

Оригинальная статья

УДК 811. 153.1

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2024-10-3-138-151>

Формально-логическая модель безличных предложений в английском языке

**Валерия Николаевна Малышева¹✉, Екатерина Владимировна Курганская²,
Георгий Андреевич Дёмин³**

^{1, 2, 3}Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹✉ malvaleriam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9837-3533>

²katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>

³dga97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4680-2557>

Введение. Главным свойством предложения является предикативная связь. Субъект и предикат выражаются в предложении либо отдельными словами – подлежащим и сказуемым, либо синтетически в одном из членов. Вопрос равноправности подлежащего и сказуемого по-прежнему остается открытым, поскольку существуют серьезные аргументы в пользу каждой позиции. Особый интерес представляет случай английских безличных конструкций, в которых, на первый взгляд, отсутствует подлежащее.

Методология и источники. Исследование проводит формально-логическое моделирование английских независимых предложений с безличными конструкциями, построенными на активном и пассивном глаголе, с применением идеи двухчастности. Если предложение начинается не с главной пары, некоторые пассивные конструкции выражают подлежащее частично или не выражают вовсе. Идея двухчастности допускает существование имплицитного подлежащего, а также полуимплицитного подлежащего, включающего в себя десемантизированное наречие *there*, и объясняет эти случаи наиболее полно.

Результаты и обсуждение. Согласно формально-логическому моделированию в грамматическом смысле безличная конструкция является личной. Сказуемое с активным глаголом всегда сопровождается эксплицитным подлежащим. Если предложение начинается с главной пары, сказуемое с пассивным глаголом может сопровождаться эксплицитным и реже полуимплицитным подлежащим, так как мембрана пассивного глагольного семифинитива менее рельефна, чем мембрана активного глагольного семифинитива, и может испытывать давление сильного пространственного уточнителя. Если предложение начинается не с главной пары, возможно имплицитное, полуимплицитное или эксплицитное подлежащее. В повествовательных предложениях имплицитность подлежащего обеспечивает усилительный элемент, а в вопросительных – вопросительный; поэтому в субстантивном семифинитиве не используется слабый пространственный уточнитель, а в вопросительном сильный пространственный уточнитель заменяется на слабый.

Заключение. В случаях с десемантизированными единицами *it* и *there* термин «безличная конструкция» состоятелен в семантическом, но не в грамматическом смысле. В грамматическом смысле всегда задано третье лицо единственного числа эксплицитным или имплицитным субстантивным семифинитивом и пространственным уточнителем. При этом полуимплицитное подлежащее встречается весьма редко, а имплицитное крайне редко. Эллипсис подлежащего в английских безличных конструкциях невозможен.

© Малышева В. Н., Курганская Е. В., Дёмин Г. А., 2024

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: английский синтаксис, безличные конструкции, идея двухчастности, семифинитив

Для цитирования: Малышева В. Н., Курганская Е. В., Дёмин Г. А. Формально-логическая модель безличных предложений в английском языке // ДИСКУРС. 2024. Т. 10, № 3. С. 138–151. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-138-151.

Original paper

Formal Logical Modeling of Impersonal Sentences in the English Language

Valeria N. Malysheva^{1✉}, Ekaterina V. Kurganskaia², Georgiy A. Demin³

^{1, 2, 3}*Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia*

^{1✉}*malvaleriam@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0003-9837-3533>*

²*katrinkurg26@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0007-9084-597X>*

³*dga97@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4680-2557>*

Introduction. The main feature of a sentence is the predicative connection. The two main units – substantive and verbal – are represented in the sentence either through separate words – subject and predicate – or synthetically in one of the parts of the sentence. The question whether subject and predicate play equal part in a sentence remains to be clarified since there are strong arguments in support of every position. The case of impersonal constructions is especially intriguing. So, in English one can find impersonal constructions, which, at first glance, lack a subject.

Methodology and sources. The present study aims to provide formal logical modeling of English independent clause with impersonal constructions based on active and passive verb, by means of the binomiality idea. In cases when a sentence begins not from the main couple, some of the passive constructions express the subject partially or don't express it at all. The binomiality idea claims the existence of an implicit subject, as well as semi-implicit subject that includes a desemantised adverb there, thus, it explains these cases in the fullest way possible.

Results and discussion. The formal logical modeling allows concluding that grammar-wise an impersonal construction is a personal one. A predicate with an active verb is accompanied by an explicit subject. In case a sentence starts from the main couple, a predicate with a passive verb can be accompanied by an explicit and (less often) semi-implicit subject, for the membrane of a passive verbal semifinitive is less relief, than the membrane of an active verbal semifinitive and can be subject to pressure from the strong space specifier. If a sentence does not begin with the main couple, then an implicit subject, as well as semi-implicit and explicit ones are possible. In declarative sentences, the implicity of a subject is provided by a strengthening element, whilst in question sentences it is done by a questioning one. Therefore, the weak space specifier cannot be used in declarative sentences, whilst in questioning sentences the strong space specifier is substituted by the weak one.

Conclusion. In cases with desemantised pronoun it or desemantised adverb there the term “impersonal construction” is only reasonable in a semantic sense, but not in a grammar one. Grammar-wise the singular third person is set in all cases – through an explicit or implicit substantive semifinitive and a space specifier. At the same time a semi-implicit subject can be seen quite rarely, whilst an implicit one – very rarely. Ellipsis of subject in English impersonal constructions is impossible.

Keywords: English syntax, impersonal constructions, binomiality idea, semifinitive

For citation: Malysheva, V.N., Kurganskaia, E.V. and Demin, G.A. (2024), "Formal Logical Modeling of Impersonal Sentences in the English Language", *DISCOURSE*, vol. 10, no. 3, pp. 100–113. DOI: 10.32603/2412-8562-2024-10-3-100-113 (Russia).

Введение. Главным свойством предложения является предикативная связь, которая организуется, как принято считать в грамматической и логистической традициях, с помощью субъекта и предиката. Субъект и предикат выражаются в предложении либо отдельными словами – подлежащим и сказуемым, либо синтетически в одном из членов. Вопрос о том, являются ли подлежащее и сказуемое равноправными членами предложения, по-прежнему остается открытым, поскольку существуют серьезные аргументы в пользу каждой позиции. Особо интересным является случай безличных конструкций, который мы намерены рассмотреть на примере независимых предложений. Так, в английском языке встречаются безличные конструкции, в которых, на первый взгляд, отсутствует подлежащее. В безличных конструкциях с активным глаголом наблюдается эксплицитное подлежащее, образованное от неопределенного местоимения *one* или от субъектных местоимений *they* и *it*. В безличных конструкциях с пассивным глаголом эксплицитность подлежащего в основном сохраняется – она образуется от субъектного местоимения *it* или маркируется (гораздо реже) наречием *there*. В случаях, когда пассивная подлежащно-сказуемая пара не начинает предложение, в безличной конструкции подлежащее не маркировано и может сложиться впечатление, что мы имеем дело с эллипсисом.

К исследованию безличных конструкций применялось множество различных лингвистических подходов. Начиная с грамматики Арно и Лансло, логистическая парадигма обращается к общей проблеме субъектно-предикатных отношений в суждении и иногда причисляет безличные конструкции к особым типам суждений. В парадигме традиционной грамматики в различных языках проводится классификация безличных конструкций с учетом как грамматического, так и семантического уровней. В парадигме формальной грамматики безличные конструкции классифицируются по формальному признаку как предложения с «пустым» подлежащим, однако для разных языков предпринимаются попытки выяснить грамматические характеристики невидимого и неслышимого субъекта. Не менее формальная идея двухчастности отвергает существование «пустых» подлежащих, считая невидимый и неслышимый субъект имплицитным. В сравнительно-исторической парадигме описывается диахроническое становление безличных конструкций, отчего взгляду исследователя открываются незадействованные в современных языках способы выражения безличности, устанавливаются изначальные функции ее маркеров. Типологический подход выявляет схожие механизмы выражения безличности в языках различного строя и ставит вопрос об универсальности этой категории. К изучению безличности применяется и лингвокультурологический подход – существование безличных конструкций объясняется воздействием на человека экстралингвистических факторов, связанных с историей, культурными традициями и менталитетом того или иного народа. В когнитивном подходе категория безличности получает объяснение в рамках порождения высказывания, и безличные конструкции не считаются чем-то аномальным.

Преувеличение роли предиката в образовании предложения, выразившееся в свое время в появлении вербоцентристских теорий, находит свое отражение и в теориях, занимающихся изучением предикатов, в частности, их модально-оценочных значений в текстах различных стилей.

Некоторые исследователи усматривают в безличных конструкциях с пассивным глаголом своего рода отстраненность субъекта от действия или процесса, выражаемого сказуемым. Замена субъекта грамматически и семантически обедненными формами признается большинством лингвистов, однако причина этой замены до настоящего времени остается невыясненной. Вероятно, только в дискурсологии высказана мысль, что при помощи безличных конструкций тому или иному дискурсу можно придать статус объективно существующего. Так подчеркивается, например, приоритет закона над индивидом.

Отметим, что в лингвистической литературе термин «безличность» не имеет однозначной трактовки и часто пересекается с термином «синтаксический ноль», что довольно опасно, поскольку синтаксические пустоты могут быть связаны с эллипсисом.

Методология и источники. Исследование выполнено в парадигме формальной грамматики и имеет своей целью формально-логическое моделирование безличных конструкций, построенных на активном и пассивном глаголе в английском языке с применением идеи двухчастности. Моделированию подвергаются с учетом допустимого объема статьи лишь независимые предложения. Выбор идеи двухчастности в качестве основной методологии обусловлен все возрастающей потребностью современной лингвистики в эффективных приемах формализации лингвистического материала, предоставляемого компьютеру. Ряд синтаксических структур, включающих в себя десемантизированные элементы, с трудом поддаются алгоритмическому описанию, что приводит к ошибкам в автоматическом переводе. Безличные конструкции, по существу, также могут включать в себя десемантизированные элементы, в том числе имплицитные. Так, субъектное местоимение *it* и наречие *there* в безличных конструкциях десемантизированы. Неопределенно-личное местоимение *one*, как нам представляется, остаточно сохраняет свое лексическое значение пусть и в весьма ослабленном состоянии. Как минимум, это местоимение сочетается в подлежащно-сказуемой паре с глаголом, описывающим действия, которые могут совершаться только человеком.

Некоторые из пассивных конструкций в случаях, когда независимое предложение начинается не с главной пары, выражают подлежащее частично или не выражают вовсе. Идея двухчастности объясняет эти случаи наиболее полно, поскольку постулирует существование имплицитного подлежащего, а также полуимплицитного подлежащего, включающего в себя десемантизированное наречие *there*.

Идея двухчастности как один из способов формально-логического моделирования лингвистических явлений разрабатывается в СПбГЭТУ «ЛЭТИ» с 1993 г. Согласно этой идее, глагольные и субстантивные члены предложения представляют собой двухчастные структуры. Главный член предложения является семифинитивом, зафиксированным в уточнителе, а второстепенный – семифинитивом, зафиксированным в прауточнителе. Тем самым подлежащее можно представить как результат фиксации, т. е. в виде произведения пространственного уточнителя и субстантивного семифинитива [1, с. 175].

Результаты и обсуждение. Изучение категории безличности в лингвистике, логике и лингвокультурологии не привело к однозначному выводу в отношении причин образования таких конструкций. Последние тенденции в обработке естественного языка приводят нас к заключению, что формализация безличных конструкций должна проходить на уровне более глубоком, чем автоматическая замена или восполнение подлежащего при переходе от языка

к языку. Поверхностный подход, не учитывающий природу построения предложения, приводит к большому числу ошибок, справиться с которыми разработчикам систем автоматического перевода не удастся уже несколько десятилетий. В связи с этим возникает задача изучить «потайные пружинки» языковой системы, приводящие к появлению в предложении специфических элементов – десемантизированных, имплицитных, элиминированных и т. п.

Структура предложения получает разную интерпретацию у лингвистов. Изучение природы предложения и ее отличий от словосочетания является одним из основополагающих вопросов синтаксиса. Словосочетание только обозначает предмет действительности, в то время как мысль, оформленная в предложение, заставляет нас, как замечает А. И. Смирницкий [2, с. 101], реагировать и предпринимать какие-либо действия. Так, в предложении «The doctor arrived» есть грамматическое указание на время, сообщается, что действие произошло в прошлом. «Это отнесение высказывания к действительности и можно назвать предикацией» – утверждает А. И. Смирницкий [2, с. 102]. Тем самым «наиболее существенным моментом в оформлении речи в виде предложения, тем, что делает предложение предложением, является предикация, или отнесение содержания высказывания к действительности» [2, с. 102]. Предикация выражается в личной форме полнозначного или служебного глагола: «My brother is a doctor», отсутствием глагола «Мой брат доктор», «Why not go there?» с помощью интонации и синтаксически особым способом, используемым в словарях «Lydgate, an English poet» [2, с. 105–107]. Эти способы выражения объединяют понятием «предикат», предмет мысли, который осознается вместе с предикацией и выражается в сказуемом. Второе понятие – «субъект», это тот предмет мысли, по отношению к которому мыслится, определятся и высказывается предикат; субъект находит свое выражение в подлежащем. Субъект и предикат придают законченность предложению только совместно. Пока субъект рассматривается отвлеченно в своем предметном содержании, пока отвлеченный предикат не уточнен субъектом, невозможно создать законченное выражение высказывания [3, с. 204]. Но, как замечает И. И. Мещанинов, «выражение субъекта и предиката вовсе не требует обязательного присутствия в предложении его подлежащего и сказуемого» [3, с. 131]. Субъект и предикат могут быть выражены в одном слове. Так, в слове «пишу» предикат выражен сказуемым, а субъект – личной формой глагола. «Действующее лицо целиком включается в один член предложения со сказуемым, так как речь идет о первых двух лицах, выражаемых только местоимениями. Но синтаксическое значение этих двух соединившихся лексических единиц воспринимается различно, а именно: местоимение, присоединенное к глаголу и с ним слившееся, понимается как уточнитель глагольного содержания придачей ему личного оформления» [3, с. 206]. Итак, основным свойством предложения является предикация, элементами которой являются предметы мысли – субъект и предикат, которые выражаются подлежащим и сказуемым – членами предложения, представленными отдельными словами [2, с. 108], или выражаются совместно в одном из членов предложения.

Подлежаще-сказуемая пара (т. е. субъект и предикат в неразрывной связи друг с другом) является структурным ядром предложения. Традиционно принято считать подлежащее и сказуемое равноправными членами предложения, но ряд авторитетных ученых настаивает том, что центральное положение в предложении все-таки занимает один из них. В частности, А. И. Смирницкий отводит эту роль подлежащему: «на центральную роль под-

лежащего в предложении указывает в данном случае его оформление именительным падежом, который представляет собой наиболее независимое обозначение лица и предмета» [2, с. 138]. Л. Теньер склонен считать сказуемое центром предложения [4, с. 145]. Л. С. Бархударов же делает вывод, что «сам тот факт, что существуют аргументы в пользу признания «более главным» как подлежащего, так и сказуемого говорит о том, что ни одна из этих двух непосредственных составляющих предложения не является сама по себе «более главной», чем другая, но что обе они равноправны и взаимозависимы» [4, с. 145].

В синтаксической функции подлежащего в английском языке могут употребляться:

- существительные и субстантивные словосочетания:
 - My dinner tastes good.
 - The door of the car is broken.
- субстантивные местоимения:
 - He is going to study grammar.
 - Nobody knows me.
- субстантивированные части речи:
 - The natives are very hospitable.
 - The unemployed often commit crimes.
- инфинитив и глагольные словосочетания с ядром-инфинитивом:
 - To see him is to worship him.
- герундий или словосочетания с ядром-герундием:
 - Being adored is a nuisance.
- инфинитивные предикативные словосочетания:
 - For you to go there just now would be to walk into a trap with your eyes open.
- герундиальные предикативные словосочетания:
 - Strangers overhearing us matters nothing.
- предложения:
 - What he asked me to do was difficult.

Подлежащее, впрочем, может быть не выражено в случаях, если:

- это ответ на вопрос;
- глагол стоит в повелительном наклонении. В данном случае функцию подлежащего, указывающего, к чему относится сказуемое, выполняет форма сказуемого или контекст – «Sit down!».

Английский язык избегает построения предложения без подлежащего. «Это объясняется недостаточно четкой оформленностью английского глагола, который своей формой не всегда может достаточно ясно указывать на субъект» [2, с. 140]. В таком случае предикация относится к субъекту, стоящему вне предложения, и функцию подлежащего выполняют безличные показатели. Эти случаи описал А. И. Смирницкий:

- если цель высказывания заключается в определении предмета, подлежащим будет указательное местоимение – «This is a piece of chalk»;
- если субъект недостаточно ясен, используют неопределенно-личные предложения – «They say»;
- если субъект не предмет, а ситуация, глагол ставится в форму третьего лица единственного числа с безличным подлежащим *it* – «It is getting dark».

Когда речь заходит о подлежащем, часто особое внимание уделяют конструкции, которая вводится так называемым «предваряющим *it*». Существуют разные трактовки. Часть авторов говорит о составном подлежащем со структурой «местоимение *it* + именное сказуемое + инфинитив, герундий или словосочетание с ними, придаточное предложение». Л. С. Бархударов считает, что это прерывистая конструкция сложного подлежащего. Подлежащим здесь является глагольная форма, расположенная после сказуемого, что нехарактерно для порядка слов в английском языке, поэтому вводится грамматический показатель подлежащего *it*. Этот показатель становится грамматическим центром подлежащего, а вторая часть, выраженная инфинитивом, герундием, словосочетанием или предложением – его лексическим центром [4, с. 160–161].

Большинство же авторов так или иначе определяют *it* как формальное подлежащее. А. И. Смирницкий относительно безличных предложений, начинающихся с «*It is useful...*», «*It is necessary...*» и т. п., после чего обычно следует инфинитив или придаточное предложение с союзом *that*, говорит: «инфинитив раскрывает содержание сказуемого, подлежащим же здесь является *it*, которое представляет собой лишь формальную опору для глагола и не прибавляет ничего нового к содержанию предложения» [2, с. 158]. А. И. Смирницкий, однако, замечает, что инфинитив может выполнять функцию подлежащего, если стоит перед сказуемым [2, с. 264]. По мнению М. Бейкера *it*, как и *il* во французском языке, – «пустое» (или «нулевое» в терминах Н. Хомского [5, с. 49]) местоимение, необходимое для грамматического оформления предложения в следующих случаях: если в предложении нет семантического подлежащего и если подлежащее стоит после сказуемого. В первом случае, например, в предложении «*It rains.*», носители языка употребляют это местоимение, чувствуя необходимость отсутствующего подлежащего. Выбор падает на *it* и *il*, так как они «являются в этих языках именными группами с минимальным собственным значением. <...> Мы видим, что необходимость в подлежащем – требование грамматики» [5, с. 46]. Во втором случае, когда сказуемое стоит перед подлежащим, в соответствии с правилами языка невозможно построить конструкцию типа «*Appeared a boat.*» или «*Est arrivé Jean.*», и употребляются «пустые» единицы типа *it/there* в английском или *il* во французском. Таким образом строятся предложения типа «*There appeared a boat.*» и «*Il est arrivé trois hommes.*» [5, с. 47].

Ш. Балли высказал противоположную точку зрения относительно примера «*It rains.*» в английском языке и «*Il pleut.*» во французском. По поводу «пустого субъекта», выраженного местоимением, он говорит, что «с точки зрения грамматики это неправдоподобно, чтобы некий грамматический знак регулярно функционировал в языке, не проявляя при этом никаких признаков ослабления или изменения и всегда являясь экспонентом какого-то определенного семантического значения» [6, с. 187], подкрепляя свою позицию тем, что в современном французском языке *il* часто заменяют на *ça* и *cela*.

О. Есперсен описывает разные случаи употребления *it* в безличных конструкциях. Он заключает, что «многие правила употребления *it* обусловлены, с одной стороны, стремлением говорящего соблюдать определенные образцы построения предложения, <...> а с другой стороны, стремлением избежать громоздких конструкций, которые могут привести иногда к неправильному пониманию предложения» [7, с. 25]. В частности, в конструкции, когда подлежащее выражено инфинитивом, считается более удобным вводить инфинитив после сказуе-

мого. В этом случае предложение начинается с глагола, что характерно для вопроса, поэтому вводится формальный показатель подлежащего – «It is not easy to find one's way in London.». Такой же процесс наблюдается в сложноподчиненном предложении: чтобы избежать ситуации, когда предложение начинается с подчиненного предложения, употребляют формальное *it* – «It cannot be denied that Newton was a great genius.». Интересно, что в предложениях, в которых в позиции *it* стоит полнозначное слово, а за сказуемым следует инфинитив, О. Есперсен выделяет в качестве подлежащего нексус полнозначного слова и инфинитива. Тем самым в предложении «I am believed to be guilty.» подлежащим является «I to be guilty» [7, с. 136].

Сторонником формальности *it* были и З. Хэррис, Г. Мюллер, Ч. Фриз [8, с. 15–16]; об «обезличении конструкции» писал С. Д. Кацнельсон [9, с. 64]. Л. Блумфилд считал *it* заместителем какой-то конструкции [8, с. 15]. Существуют исследования, приписывающие лексеме *it* функцию связующего в тексте, объединяющего предложения в сверхфразовое единство, в частности, работа А. П. Бакаревой [10, с. 14–15].

Л. Н. Финогоина уточняет, что «лексема *it* употребляется в “безличных” предложениях в случаях, когда то, с чем она соотносится, с очевидностью вытекает из той или иной конкретной лингвистической или экстралингвистической ситуации» [8, с. 16]. Она же настаивает на том, что *it* является единственным и полноценным подлежащим, семантически эквивалентным указательным местоимениям *this*, *that*, как в предложениях «That wasn't just a conscience talking on the phone just that.» или «This is time to end the quarrel.» «А так как *it* семантически эквивалентно указательным местоимениям, то оно также не является безличным или формальным подлежащим» [8, с. 17–18].

Тем самым мнения по поводу конструкции с *it* не сформировано: одни исследователи рассматривают его как часть составного подлежащего с двумя центрами – грамматическим и семантическим, другие видят в нем формальное подлежащее и считают вторую часть уточнением сказуемого [2, с. 271–272]. Большинство исследователей сходится только насчет семантической пустоты *it*, но в то же время существует мнение, что *it* семантически эквивалентно указательным местоимениям и потому является полноценным подлежащим.

Элемент *it* использовался в английском языке в позиции подлежащего еще с древнеанглийского периода в двусоставном безличном предложении, в котором подлежащее не имело референтной соотнесенности с предметом или лицом и выражалось с помощью местоимения третьего лица единственного числа среднего рода *hit*. Обычно в таких предложениях речь шла о действии стихий и сезонных изменениях: «Hit rīne and swīne and styrmē ūte.» («Снаружи была буря с дождем и снегом»). Подобные безличные конструкции характерны для европейских языков. Есть свидетельства, что они являются развитием более ранней личной конструкции. А. Мейе ссылается на пример, взятый им из Гомера: «ὦε δ' ἄρα Ζεὺς» («а Зевс дождал»), и в то же время указывает, что безличных оборотов типа «дождит», «холодно» у Гомера не встречается [11, с. 256]. Л. С. Бархударов замечает, что субъект в таких глаголах скрыт в самой семантике и не требует выражения, поэтому согласно традиции личного оформления глагола, вводится формальное подлежащее [4, с. 302]. *Hit* в древнеанглийском могло опускаться, оно закрепилось в среднеанглийский период, и только некоторые глаголы, например, *befelen* («случаться»), употреблялись без подлежащего. *Hit* также употреблялось в предложениях, в которых оно имело предваряющий характер: «ne-wæs hit lenze þā zēn, þæt sē ecz-hete adum-

sweorum æfter wæl-nīðe wæcpan scolde.» («так далеко (оно) еще не зашло, чтобы распря между зятем и тестем из-за смертельной вражды возникла.»). В среднеанглийский период в качестве подлежащего часто используется инфинитив, а с XIV в. – герундий. *Hit* тем самым расширил свои функции за счет бесподлежащих предложений: «*Hit me of þyncð, forgif hit him*» («Мне кажется, надо простить ему это»). В ранненовоанглийский период в качестве подлежащего могли выступать герундиальные обороты: «*Their lyvyng is not mucche worse.*» («Живут они не так уж плохо.») и инфинитивные конструкции с *for*, безличные обороты с глаголами *happen*, *seem*, *think*, *like* и др. заменяются на личные: «*It likes me well.*» («Это мне очень нравится.»). С древности существовал еще один десемантизированный элемент – *þær*, который отличался от наречия *þær* краткостью лягушки; тип предложения, вводимого им, закрепился в среднеанглийский период по структуре он выглядел как «*ther* + сказуемое + подлежащее»: «*at session there was he lord and sire*» («на сессиях он был главным распорядителем») [12, с. 148, 268–269, 272]. Элемент *it* употреблялся в позиции подлежащего с древнеанглийского периода, и со временем оказался продуктивным для образования все новых типов предложения. В то же время можно проследить, что с древности остался еще один формальный элемент – *there*, который оказался менее продуктивным, но сумел сохраниться в языке.

Рассмотрим проблему безличности в английских независимых предложениях в свете идеи двухчастности. Остановимся более подробно на понятиях пространственного уточнителя и субстантивного семифинитива.

Пространственный уточнитель может быть слабым, сильным и сверхсильным, являя собой, соответственно, рассеянное, концентрированное и переконцентрированное внешнее пространство. В английском языке он представлен:

- слабый (нестабильный) – $t_h e r e$;
- сильный (стабильный) – *there*;
- сверхсильный (стабильный) – *it*.

Слабый пространственный уточнитель является флексирующим, т. е. нестабильным, и фиксирующийся в нем субстантивный семифинитив в зависимости от своей прочности может получить те или иные повреждения. Семифинитивы имен собственных, личных местоимений, существительных и субстантивированных частей речи обладают самыми высокими прочностями, и их повреждения, согласно терминологии идеи двухчастности, квази-явны. По существу, в обсуждаемом случае можно было бы также говорить об имплицитности слабого пространственного уточнителя, однако в других случаях он проявляется вполне эксплицитно, поэтому понятие «квази-явности» представляется нам совершенно приемлемым, обозначающим невидимый и неслышимый результат умножения семифинитива на уточнитель и не имеющим отношения к понятию «имплицитность».

Вообще говоря, понятие «имплицитность», как следует из приведенного ранее литературного обзора, относится к семантическому ядру подлежащего, т. е. к субстантивному семифинитиву, поэтому об имплицитности в сфере пространственных уточнителей разговор можно закончить. По этой же причине мы склонны называть некоторые разновидности подлежащего «полуимплицитными», нежели «полуэксплицитными».

Легко видеть, что конструкции типа «*One says*» или «*Does one say?*» включают в себя эксплицитное подлежащее, являющее собой результат умножения слабого семифинитива

неопределенного местоимения *one* на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$ (семифинитив получает при этом, благодаря своей высокой прочности, квазиявные повреждения). Применение сильного пространственного уточнителя *there* в случае семифинитива глагола *say* невозможно, поскольку этот семифинитив не выдерживает давления концентрированного внешнего пространства. Семифинитив глагола *be* или глагола, сходного с глаголом *be* по лексическому значению, выдерживает такое давление и можно применить сильный пространственный уточнитель *there*: «There is one in the room.» или «Does there exist one in this world?». Тем самым подавляющее большинство активных глагольных семифинитивов выдерживают давление только слабого пространственного уточнителя $t_h^e r^e$.

Первоочередное внимание в нашем рассмотрении следует уделить конструкциям типа «It is said» и «Is it said?», где функционирует единица *it*. С одной стороны, в свете идеи двухчастности подлежащие в этих конструкциях можно было бы трактовать как результат умножения сверхслабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы \acute{o} на сверхсильный пространственный уточнитель *it*. С другой стороны, в свете той же идеи давление сверхсильного пространственного уточнителя *it* может выдержать лишь глагольный семифинитив типа *be a* или *have been a*. В обсуждаемых конструкциях глагольный семифинитив другого типа, поэтому подлежащее в них может быть только и только результатом умножения сильного семифинитива субъектного местоимения *it* на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$ (семифинитив получает при этом, благодаря своей высокой прочности, квазиявные повреждения). Тем самым в конструкциях типа «It is said.» и «Is it said?» мы имеем дело с эксплицитным подлежащим. Видимо, именно по этой причине такие конструкции являются наиболее распространенными, и НЕбезличными, поскольку подлежащее в них строится на эксплицитной субстантивной единице – субъектном местоимении *it*.

Обратим внимание на конструкции типа «There is said» и «Is there said?», с первого взгляда, структурно параллельные вышерассмотренным. Однако в этих конструкциях подлежащее следует трактовать как результат умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы \acute{o} на сильный пространственный уточнитель *there*, тем более что глагольный семифинитив типа *be (being) II(v)* или *have been II(V)* (пассивный глагольный семифинитив) выдерживает давление сильного пространственного уточнителя *there*.

Разумеется, слабый семифинитив имплицитной субстантивной единицы \acute{o} может умножаться и на слабый пространственный уточнитель $swim\ t_h^e r^e$. На этот же уточнитель возможно умножение сильного семифинитива субстантивной единицы \acute{o} . Легко видеть, что в этих случаях мы должны получить конструкции типа «Is said.» и «Is said?», однако в английском языке они возможны лишь при особых условиях.

Повествовательная конструкция возможна лишь при условии предварения ее каким-либо усилительным элементом, например: «About him is said.» или «Often is said.». Для вопросительной конструкции этого недостаточно, ее следует предварять вопросительным элементом, например, «Why is said (about him).» или «How often is said?». Остановимся на этих различиях более подробно.

Отметим, что согласно идее двухчастности главные члены предложения образуются в зависимости от его типа. В независимых повествовательных предложениях семифинитивы фик-

сируются в первую очередь в слабых уточнителях, во вторую – в сильных и в третью – в сверхсильных. В независимых вопросительных предложениях семифинитивы фиксируются в первую очередь в сверхсильных уточнителях, во вторую – в сильных и в третью – в слабых.

Очевидно, что при движении «снизу вверх» в независимых повествовательных предложениях семифинитив имплицитной субстантивной единицы \acute{o} в первую очередь фиксируется в слабом пространственном уточнителе $t_h^e r^e$. Усилительный элемент обеспечивает этому семифинитиву силу. Тогда подлежащее будет представлять собой результат умножения сильного семифинитива имплицитной субстантивной единицы \acute{o} на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$, и получится конструкция типа «About him is said.» или «Often is said.». Наличие усилительного элемента не является препятствием для образования подлежащего, являющегося результатом умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы \acute{o} на сильный пространственный уточнитель *there*, отчего получается конструкция типа «About him there is said.» или «Often there is said.».

При движении «сверху вниз» в независимых вопросительных предложениях семифинитив имплицитной субстантивной единицы \acute{o} в первую очередь должен фиксироваться в сверхсильном пространственном уточнителе *it*, но по описанным ранее причинам этого не происходит. Во вторую очередь этот семифинитив фиксируется в сильном пространственном уточнителе *there*, и можно предположить, что третьей очереди – фиксации в слабом пространственном уточнителе $t_h^e r^e$ также не происходит. Тем самым в независимых вопросительных предложениях семифинитив имплицитной субстантивной единицы \acute{o} всегда слабый, и применение усилительного элемента невозможно. Возможно, однако, применение вопросительного элемента, посредством которого мембрана пассивного глагольного семифинитива может стать рельефнее, и подлежащее будет являться результатом умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы \acute{o} на слабый пространственный уточнитель $t_h^e r^e$, отчего получится конструкция типа «Why is said about him?» или «How often is said?». Наличие вопросительного элемента не является препятствием для образования подлежащего, являющегося результатом умножения слабого семифинитива имплицитной субстантивной единицы \acute{o} на сильный пространственный уточнитель *there*, отчего получается конструкция типа «Why is there said about him?» или «How often is there said?».

Формально-логическое моделирование главных членов независимого предложения позволяет заключить, что в грамматическом смысле безличная конструкция является личной. Сказуемое с активным глаголом всегда сопровождается эксплицитным подлежащим. Сказуемое с пассивным глаголом, если предложение начинается с главной пары, может сопровождаться эксплицитным и (реже) полуимплицитным подлежащим. Это объясняется, скорее всего, тем, что мембрана пассивного глагольного семифинитива менее рельефна, чем мембрана активного глагольного семифинитива, и может быть подвергнута давлению сильного пространственного уточнителя. Если независимое предложение начинается не с главной пары, возможно имплицитное подлежащее, а также полуимплицитное и эксплицитное. В повествовательных предложениях имплицитность подлежащего обеспечивает усилительный элемент, а в вопросительных – вопросительный. Усилительный элемент придает суб-

стантивному семифинитиву силу, отчего слабый пространственный уточнитель не может быть использован, а вопросительный элемент может делать мембрану пассивного глагольного семифинитива более рельефной, и тогда сильный пространственный уточнитель заменяется на слабый. В этом ключе довольно интересно сопоставить имплицитное подлежащее с инэксплицитным.

Как известно, инэксплицитное подлежащее встречается в независимом вопросительном предложении, когда главная субстантивная единица разыскивается, например, «Which people say about him?», «What is said?» или «What is there said?». Естественно, такое предложение предваряется вопросительным элементом. Тем самым, английский язык «готов» к специфическим подлежащим, и, вероятно, устройство вопросительных конструкций с имплицитным подлежащим повторяет устройство вопросительных конструкций с инэксплицитным подлежащим. Однако применение сильного пространственного уточнителя в этих конструкциях обусловлено не одной и той же причиной. Вопросительный элемент в конструкции с инэксплицитным подлежащим связан с главным субстантивным семифинитивом и не влияет на главный глагольный семифинитив. Вопросительный элемент в конструкции с имплицитным подлежащим связан с главным глагольным семифинитивом и не влияет на главный субстантивный семифинитив. Сильный пространственный уточнитель, тем самым, коррелирует либо с субстантивным, либо с глагольным семифинитивом соответственно.

В независимых повествовательных предложениях наличие инэксплицитного подлежащего по понятным причинам категорически невозможно, однако если предложение начинается не с главной пары, то в нем может появиться имплицитное подлежащее. Такие конструкции не являются эллиптическими – пожалуй, явление эллипсиса следует относить не к отдельному члену предложения, а к временному и пространственному элементам вкупе: «Why (is it) said?».

Сила, слабость или сверхслабость субстантивных семифинитивов являются хорошим маркером для различения эксплицитного, инэксплицитного, полуэксплицитного, имплицитного и полуимплицитного подлежащих в независимых предложениях. Эксплицитное подлежащее в повествовательных и вопросительных предложениях и инэксплицитное подлежащее в вопросительных может строиться на сильном, слабом или сверхслабом семифинитиве. Полуимплицитное подлежащее в повествовательных и вопросительных предложениях и полуинэксплицитное в вопросительных – только на слабом семифинитиве. Имплицитное подлежащее в повествовательных предложениях строится только на сильном семифинитиве, а в вопросительных – только на слабом.

Заключение. В случаях с десемантизированным местоимением *it* или десемантизированным наречием *there* термин «безличная конструкция» состоятелен лишь в семантическом, но не в грамматическом смысле. В грамматическом смысле всегда задано третье лицо единственного числа эксплицитным или имплицитным субстантивным семифинитивом, умноженным на пространственный уточнитель, – сверхсильный *it*, сильный *there* или слабый $t_h^e r^e$. При этом полуимплицитное подлежащее встречается весьма редко, а имплицитное – крайне редко. Понятия имплицитности и инэксплицитности относятся только и только к субстантивному семифинитиву, но не к слабому пространственному уточнителю, который,

будучи способным повреждать субстантивный семифинитив как явно, так и квазивно, и может быть ошибочно принят за имплицитную единицу. Не имеют отношения к имплицитности и эллиптические конструкции. Эллипсис подлежащего в английских безличных конструкциях невозможен – мы имеем дело не с пропуском элемента предложения, а с имплицитным подлежащим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1978.
2. Смирницкий А. И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1957.
3. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. Л.: Наука, 1978.
4. Бархударов Л. С. Структура простого предложения современного английского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
5. Бейкер М. К. Атомы языка: грамматика в темном поле сознания / пер. с англ. В. В. Кадина и др.; под ред. О. В. Митрениной, О. А. Митрофановой. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
6. Балли Ш. Язык и жизнь / пер. с фр. И. И. Чельшевой, Е. А. Вельмезовой. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой. М.: КомКнига, 2006.
8. Финогоина Л. Н. Функционирование и грамматический статус лексемы *it* в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Одесса, 1982.
9. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972.
10. Бакарева А. П. Структура предложения как средство связи предложений в сверхфразовом единстве (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М., 1981.
11. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / пер. с фр. Д. Кудрявского, А. Сухотина. М., Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1938.
12. Ильиш Б. А. История английского языка. М.: Высш. шк., 1968.

Информация об авторах.

Малышева Валерия Николаевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор восьми научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, германские языки, фоносемантика, общее языкознание.

Курганская Екатерина Владимировна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор десяти научных публикаций. Сфера научных интересов: компьютерная лингвистика, германские языки, дискурсивный анализ.

Дёмин Георгий Андреевич – аспирант кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5Ф, Санкт-Петербург, 197022, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: германские языки, языковая интерференция, социолингвистика, языковые контакты.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.
Поступила 27.03.2024; принята после рецензирования 13.04.2024; опубликована онлайн 24.06.2024.

REFERENCES

1. Vinogradov, V.V. (1978), *Istoriya russkikh lingvisticheskikh uchenii* [History of Russian linguistic theories], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.
2. Smirnitiskii, A.I. (1957), *Sintaksis angliiskogo yazyka* [Syntax of the English language], Publishing house of literature in foreign languages, Moscow, USSR.
3. Meshchaninov, I.I. (1978), *Chleny predlozheniya i chasti rechi* [Members of sentence and parts of speech], Nauka, Leningrad, USSR.
4. Barkhudarov, L.S. (2008), *Struktura prostogo predlozheniya sovremennogo angliiskogo yazyka* [The structure of a simple sentence in modern English], LKI Publishing House, Moscow, RUS.
5. Baker, M.K. (2008), *Atoms of Language: The Mind's Hidden Rules of Grammar*, Transl. by V. V. Kadin, et. al.; Mitrenina, O.V. and Mitrofanova, O.A. (eds.), LKI Publishing House, Moscow, RUS.
6. Bally, Ch. (2003), *Le langage et la vie*, Transl. by Chelysheva, I.I. and Vel'mezova, E.A., Editorial URSS, Moscow, RUS.
7. Jespersen, O. (2006), *The Philosophy of Grammar*, Transl. by Passek, V.V. and Safronova, S.P., KomKniga, Moscow, RUS.
8. Finogina, L.N. (1982), "Functioning and grammatical status of the lexeme it in modern English", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Odessa, USSR.
9. Katsnelson, S.D. (1972), *Tipologiya yazyka i rechevoe myshlenie* [Typology of language and speech thinking], Nauka, Leningrad, USSR.
10. Bakareva, A.P. (1981), "On the question of sentence structure as a means of communication between sentences in superphrasal unity (based on modern English)", Abstract of Can. Sci. (Philology) dissertation, Moscow, USSR.
11. Meillet, A. (1938), *Introduction à l'étude comparative des langues indoeuropéennes*, Transl. by Kudryavskii, D. and Sukhotin, A., Gos. sots.-ekhon. izd-vo, Moscow, Leningrad, USSR.
12. Ilyish, B.A. (1968), *Istoriya angliiskogo yazyka* [History of the English language], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.

Information about the authors.

Valeria N. Malysheva – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: comparative linguistics, Germanic languages, language iconicity, theoretical linguistics.

Ekaterina V. Kurganskaia – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: computational linguistics, Germanic languages, discourse analysis.

Georgiy A. Demin – Postgraduate at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5F Professor Popov str., St Petersburg 197022, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: Germanic languages, language interference, sociolinguistics, language contacts.

*No conflicts of interest related to this publication were reported.
Received 27.03.2024; adopted after review 13.04.2024; published online 24.06.2024.*